

ЮЛИЯ КАНТОР:

«ИСТОРИЮ НЕВОЗМОЖНО ПЕРЕПИСАТЬ — ЕЁ МОЖНО ДОПИСАТЬ ИЛИ ИСКАЗИТЬ»

Профессор Герценовского университета и главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, известный специалист по истории Второй мировой войны и предвоенного периода Юлия Кантор поделилась размышлениями о взгляде на войну из сегодняшнего дня.

– За 75 лет с момента окончания Великой Отечественной войны сменилось несколько поколений. Что способно сократить временную дистанцию для понимания событий тех лет?

– Мне кажется, сокращать временную дистанцию в принципе и не нужно, потому что для занятия историческими исследованиями она необходима. Чем дистанцированнее мы от какого-то исторического события, процесса или проблемы, тем более прагматично можно его изучать. Это не значит, что прагматизм должен застилать эмоциональную составляющую

На мой взгляд, главное – это усилить интерес к личной истории войны. Война должна рассматриваться не только огромными сражениями и статистическими данными о количестве участников, но и с точки зрения человека, который действует в экстремальной военной ситуации.

исследования, но при этом она должна доминировать. Что касается смены поколений, то в истории каждого государства есть события, которые могут и должны восприниматься одинаково представителями разных поколений. В данном случае мы говорим об истории Великой Отечественной войны. На мой взгляд, главное – это усилить интерес к личной истории войны. Война должна рассматриваться не только огромными сражениями и статистическими данными о количестве участников, но и с точки зрения человека, который действует в экстремальной военной ситуации. И этот человеческий фактор, как мне представляется, должен доминировать в исследованиях – особенно для молодого поколения.

– Ощущается ли интерес современных студентов к истории Второй мировой войны?

– Как историк и преподаватель я наблюдаю опасную тенденцию политизации истории. В советское время была «единственно правильная», партийная точка зрения на события войны. И это категорически препятствовало поиску исторической правды. Колоссальное упущение исторической политики советского времени в том, что архивы, в частности, касающиеся Второй мировой войны, были скрыты от исследователей. Они могли бы предохранить нас от большинства идеологически токсичных мифов и войн вокруг истории. Сейчас я вижу не менее опасную тенденцию: из-за политической конъюнктуры «выхватываются» из общего контекста «нужные» той или иной политической силе документы. Это касается отнюдь не только России. Вообще, документы следует изучать планомерно, их не стоит выхватывать «из рукава» в угоду конъюнктуре. Истории нужны не архивные войны, а внимательное изучение архивов. Кроме того, у нас в официальном дискурсе в последние годы доминирует интонация, связанная с глорификацией темы войны. Доходит до того, что в разных, в том числе крупных федеральных изданиях высказывается тезис о том, что «путь к Победе начался 22 июня 1941 года», что неприемлемо как с исторической, так и с человеческой точки зрения. И это заметно сказывается на отношении нынешних студентов-историков ко Второй мировой войне. У них возникает некоторое отторжение и нежелание участвовать в политическом «оснащении» событий войны. А занятие историей беспристрастной, основанной на документах, фактах, свидетельствах очевидцев (что очень важно!), становится «взрывоопасным». И, к сожалению, год от года я вижу, насколько осторожно студенты относятся к данной теме. Меня это

очень расстраивает, поскольку для ощущения преемственности поколений, неразрывной нити истории страны именно молодым надо знать и изучать такое трагическое и героическое событие, как Великая Отечественная война, зная цену Победы. Тем более что есть возможность, которой не было у историков советского периода, – использовать открытые архивы, ездить за границу и сопоставлять документы.

– Расскажите, какой резонанс получила коллективная монография «Побратимы», посвящённая регионам, принявшим эвакуированных ленинградцев. И поскольку Вам удалось собрать творческий коллектив из

Абсолютно убеждена: историю невозможно переписать. Её можно дописать, выявив новые документы и свидетельства происшедшего, или исказить, умалчивая «неудобное», не укладывающееся в политический дискурс.

трёх десятков исследователей возрастом от 20 с небольшим до 70 с лишним, обнаружилась ли разница в подходе историков разных поколений?

– Коллективная монография «Побратимы», которую мы с коллегами делали к 75-летию снятия блокады в 2019 году, – действительно, проект, не имеющий аналогов, во-первых, по охвату регионов, во-вторых, по тому, что называется исторической памятью. Мы хотели сделать документальную книгу, где бы звучали, помимо официальных документов, и «голоса» обычных людей и руководителей разных уровней. Идею я предложила коллегам-историкам из регионов – специалистам очень разным, но с исследовательским опытом и научными степенями: это музейные работники, сотрудники академических учреждений, вузов и архивов. Было важно задействовать именно такую широкую палитру историков. Разницы подходов нет! Именно потому, что в команде были профессионалы, не подверженные политической конъюнктуре. Правда, на первом этапе – сборе материалов – мне задавали вопросы (что абсолютно логично), связанные с возможностью публикации архивных материалов, сюжетов личной истории, отражающих неприглядную сторону человеческого поведения или действий властей в тот период. И я отвечала: «Да, мы об этом говорим». История не терпит умолчаний, иначе это спекуляция и манипуляция фактами.

Резонанс был очень большой. И сейчас я наблюдаю его вторую волну в преддверии годовщины Победы и в свете происходящих сейчас, несмотря на эпидемию, видеоконференций и виртуальных выставок. Книга является источником знания об эвакуационной военной повседневности в тех регионах бывшего Советского Союза, куда отправляли ленинградцев. И о том, какие связи – профессиональные, личные – возникли тогда и не прервались до сих пор. Говоря о «ленинградском

Документы следует изучать планомерно, их не стоит выхватывать «из рукава» в угоду конъюнктуре. Истории нужны не архивные войны, а внимательное изучение архивов.

феномене», традиционно ориентируются на самые знаковые структуры – Кировский театр, Эрмитаж, Русский музей, Консерваторию. Но именно сейчас востребовано человеческое измерение войны и эвакуации: как вели себя десятки тысяч людей разных профессий, возраста и социального статуса? В наш век высоких технологий голос человека звучит интереснее, чем официоз. Такой опыт коллективной монографии – это хорошее начало аналогичных исследований о войне и эвакуации.

– Какие ещё, на Ваш взгляд, остаются лакуны в историческом знании о Второй мировой войне? И какие неохваченные источники заслуживают более пристального внимания?

– В историческом знании всегда существуют лакуны. Я очень критически отношусь к заявлениям, что «не надо переписывать историю». Поскольку абсолютно убеждена: историю невозможно переписать. Ее можно дописать, выявив новые документы и свидетельства происшедшего, или исказить, умалчивая «неудобное», не укладывающееся в политический дискурс... Насчёт источников – непреходящее значение имеют архивные документы, в том числе из ведомственных архивов – Минобороны, спецслужб, МИДа. Пока идёт медленный, но верный процесс рассекречивания ранее закрытых материалов, и это очень важно. Конечно, особую ценность имеют дневники, потому что это «история онлайн», когда человек переживает какой-то судьбоносный для себя момент или готовится к нему. Совершенно уникальным, во всяком случае, по объёму недавно опубликованного, является количество дневников, написанных в блокадном Ленинграде. Многие из авторов не дожили до конца войны, и эти материалы сохранились чудом. Дневник, на мой взгляд, всегда ценнее, чем воспоминание, поскольку человеческая память имеет свойство что-то упускать, порой как результат психологической защиты. Ещё я считаю крайне важным изучать механизмы принятия государственных решений на макроуровне во время войны.

– Вы активно взаимодействуете с зарубежными исследователями истории Второй мировой войны. Насколько очевидно соприкосновение их точек зрения со взглядами отечественных историков? В чём важность такого диалога?

– Точки соприкосновения есть, и у профессиональных историков они в целом не сильно отличаются, даже по болезненным темам. Спорят, как правило, не с документами, а с трактовками. И в этом

отношении важны совместные международные проекты, в том числе по Второй мировой войне: они дают возможность открыто и деполитизированно сопоставить точки зрения, проанализировать документы. Но есть исторические материалы и события, которые исключают двоякое толкование. Для профессиональных историков, вне зависимости от страны, где они работают, события 8 и 9 мая 1945 года – Победа над нацизмом – являются абсолютно однозначными и неоспоримыми. Никаких других трактовок ни для одного нормального историка здесь быть не может.

Материал подготовлен Вероникой Махтиной, корреспондентом «ПВ»